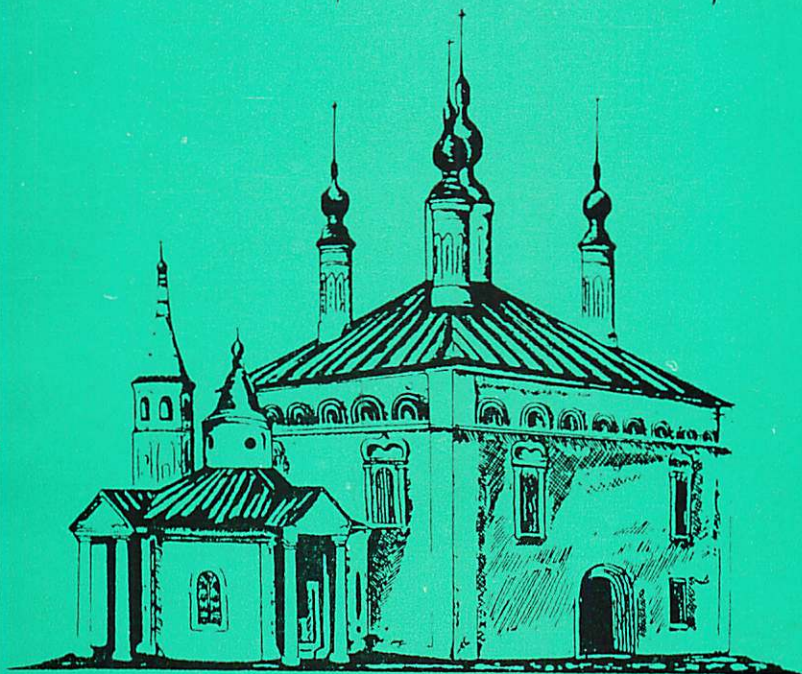

Российская Православная Церковь

СУЗДАЛЬСКИЙ ПАЛОМНИК

№ 4

март

Цареконстантиновский собор
г. Суздаль

1991 г.

Во имя отца и Сына и Святого Духа

«Величаем Вас, святии Царю мучениче Николае и вси Новомученицы, и чтим честная страдания Ваша, яже за Христа претерпели есте».

Так прославляет сегодня святая Русская Православная Церковь, молитвенно празднуя память святых Новомучеников и Исповедников Российских, подвиг их за веру Христову, таящий в себе глубинный смысл, который трудно выразить человеческим языком, но который можно прочувствовать и осознать любящим нашим сердцем.

В этот славный день мы вместе с небожителями прославляем святых, невидимо предстоящих в этом удивительно-прекрасном храме и покрывающих любовью и благодатью землю Российскую и всех тех, кто благоговейно чтит их память.

Российские Новомученики и Исповедники — это избранники Божии, которые непогрешимой честностью своей и последовательной праведностью еще при жизни обрели вечное бессмертие. Глубинный смысл жизненного подвига каждого Российского святого состоял в том, чтобы сознательным преодолением человеческих слабостей заслужить высокое право стать проводником, живой нитью между Богом и человеком.

Вся жизнь Новомучеников и Исповедников Российских была принесена в жертву неизмеримой и абсолютно бескорыстной любви к людям. Отчетливо сознавая, что только в любви сказывается подлинная преданность Творцу, свое отношение ко Господу они определяли не столько постижением Его горней сущности, сколько строгим и последовательным соблюдением дарованных Богом заповедей.

Чтобы вести достойную жизнь, полную духовного смысла и творчества, Новомученики и Исповедники Российские должны были верующим сердцем воспринимать лучи славы и благодати Божией, узнавать их, радоваться ими, искать их и пребывать в них. Сила веры вырастала из стойкости убеждений, зависела от верности понимания самой сути Божественного начала в мироздании. Каждый святой забывал о личных вожделениях и пребывал в полном убеждении, что не он сам, а сила его веры сливаясь воедино с силою Православного вероучения, укрепляет духовную рать всех правильно верующих во Христа, одухотворенных единственной целью — наследовать то вечное блаженство, которое Христос Спаситель уготовал нам, заповедав для достижения Царства Своей неувыдаемой славы путь прямой и единственный.

В этот молитвенно-торжественный день чада Русской Православной Церкви в рассеянии и в многострадальной, но Богохранимой России сущие, забыв на время сутолоку своих материальных устремлений, молятся Новомученикам и Исповедникам о каждом человеке близком и далеком, дабы Господь ниспослал каждому душевный мир и истинно православную христианскую жизнь.

Будучи приобщены к величию наивысшего совершенства и высшей справедливости Господней воли, мы словно приподнимаемся над своими житейскими заботами и невзгодами и, благоговевая в этом духовном парении, как бы заново обретаем могучую, непобедимую силу несказанной и неземной любви. Этот высокий настрой души, несомый нами из Божьего храма в окружающий мир, долго-долго будет согревать нашу душу в трудные и сложные минуты, давать силы даже тогда, когда их, кажется, больше нет. Так уже тысячу лет заступничеством, милостью и благодатью Христовой живет русский православный народ.

Собравшись ныне пред алтарем, освященным в честь и память святых Новомучеников и Исповедников, вознесем свои сильные молитвы к ним, пронесшим свой неимоверный подвиг по земле России. Они были способны даже в своем враге видеть Божие создание. Они умели стоять нравственно выше своих истязателей, полностью подражая возлюбившему их Христу, обливаясь слезами и молясь о России и россиянах.

Аминь.

АРХИМАНДРИТ ВАЛЕНТИН

ТРОПАРЬ СВЯТЫМ НОВОМУЧЕНИКАМ И ИСПОВЕДНИКАМ, глас 4:

Цвѣти россійскаго лѹга духовнаго,* въ годину лютых гонѣний дѣвно процвѣтшии*, Новомученицы и Исповѣдницы безчисленнии:* Святители, Царственнии страстотерпцы и пастырие*, монаси и мирстїи, мужие, жены же и дѣти,* добрый плод в терпѣнии Христу принѣсшии,* молитесь ему, яко насадителю Вашему,* да избавит люди своя от безбожных и злых,* да утверждается же Церковь Русская,* кровью и страданіи Вашими* во спасѣние душ наших.

Игумен ФЕОДОР

ПРОПОВЕДЬ НА ВЕЧЕРНЕМ БОГОСЛУЖЕНИИ НАКАНУНЕ НОВОГО 1991 ГОДА

Возлюбленные о Господе!

Сегодня вечность вновь открывает перед нами врата времени, и мы с надеждой вступаем в Новый год. Как и в прошлом, мы оглядываемся назад и благодарим Бога за Его любовь, за Его долготерпение — и как много мы могли сделать и как мало мы успели!

Многие испытания пришлось пережить нашему приходу, нашей общине, храму — но мы всегда чувствовали десницу Божию, спасающую и укрепляющую нас. Поэтому, благодаря Бога за все, мы молимся:

«Всея твари содетелю, времена и лета в Своей власти положи-
вый, благослови венец лета благодати Твоя, Господи», —

и в ожидании наступающего Нового года мы желаем друг дру-
гу:

«С Новым годом, с Новым счастьем!»

Счастье? Где оно?

И вообще: достижимо ли оно — когда на земле так много страданий и скорби? Ведь нередко счастье мы ожидаем от внешних обстоятельств нашей жизни.

Иногда, желая немного серьезнее обычного наблюдать за происходящими вокруг нас событиями, мы замечаем, что некоторые люди в течение всей жизни добиваются того, чтобы занять высокий пост, стремятся приобрести, а затем выгодно истратить деньги, льстят, унижаются, расходуют в пустую жизненную энергию, словом, делают все, чтобы достичь цели, якобы имеющей перво-степенное жизненное значение. Но вот — цель достигнута. Смотришь, а счастья все нет. Высокого, большого положения достиг — и вместе с ним пришли в роскошно отстроенные хоромы большие скорби и страдания; порою незаметные для посторонних глаз, но от этого не менее тяжкие; брошенные в пучину страстей годы молодости обернулись болезнями, нервозностью, чувством всегдашней неудовлетворенности, сердечной и душевной усталостью, пресыщенностью чувств и духовной пустотой. Появляется вопрос: может быть страдания нам тоже необходимы, может быть — именно эти скорби, болезни и недоумения духа таят в себе семена счастья? Может быть, без скорбей мы и не можем жить — и скорби очищают нас и приближают нас к Богу?..

Дорогие о Господе!

Мы будем всегда несчастными, пока наше счастье зависит от внешнего положения: от высокого поста, благоустроенной квартиры, благополучной семьи. Все это благополучие настолько быстро и изменчиво, что основывать свое счастье на нем — значит обманывать самого себя. И кто испытал на себе эту быстротечность и изменчивость, те знают, каким горьким, если не просто невыносимым, бывает прозрение, как легко тогда впасть в отчаяние — а оно есть, по-существу, хула на Бога.

Так где оно — счастье?

Может быть, его совсем нет, и мы его придумали, назвав этим словом нечто желаемое и притягательное, но абсолютно недостижимое?

К счастью, это не так. Счастье есть, и оно — внутри нас. Настоящему счастлив лишь тот человек, который нашел Бога, который живет по Его заповедям. Это счастье неоскудеваемое, неземное, это счастье, которое не зависит от внешних обстоятельств жизни. Ведь если ты с Богом — и Бог внутри тебя, то внутреннее умиротворение ты сохранишь и во время болезни, и во время смерти близкого человека, и во время любых испытаний.

«Душа человеческая проста как дух, — говорит святой праведный Иоанн Кронштадтский, — поэтому она и в любви должна быть проста, т. е. должна любить Бога, от которого изшла, и человека, как самого себя, подобная подобному, — к вещам же мира сего прилепляться никак не должна ни на минуту, ибо они не сродни ей, и вот, по причине несродства их с нашею душою, так болезненно ощущает себя душа, когда прилепляется к ним». «Жизнь души моей составляет мир души моей и этот мир исключительно происходит от Бога».

Это непреходящее, нетленное счастье дает человеку вера во Христа Воскресшего. Но веру, по словам св. прав. Иоанна Кронштадского, «это сокровище небесное, могут вместить только люди, отрешающие ум и чувства свои от пристрастий житейских». Как необходима вера каждому человеку!

Слава Богу, что существует такое глубокое, вечное счастье — не только в днях добрых, но и в годину испытаний, в жизни и смерти, во времени и вечности. Но человек нуждается не только в счастье, но и в любви, и в милосердии. И любовь открывается человеку, познавшему Бога, ибо, как говорит св. Апостол Иоанн Богослов:

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге и Бог в нем».

Никогда прежде человек не ощущал такой недостаток любви, такой острый дефицит любви, как сегодня. Это является следствием неверия. Сколь многие исключили, изгнали из своей жизни

Бога и, следовательно — любовь! Проповедуя и насаждая с сатанинской навязчивостью безбожное неверие, а нередко и — богоотступления для их детей и внуков, для всего потомства тех, кто сделал свои души вместительницей адских сил. Жестокости человека, жестокости массовой и бессмысленной, нет ныне границ. Во что превратилась семья — это основание всякого цивилизованного общества? Нередки случаи, когда эта «домашняя церковь», утратив не только первоначальный смысл и задачу своего существования, но и всякий смысл и взаимопонимание, превратилась в соборище для постоянной пытки друг друга взаимным присутствием, для оскорблений и клеветы друг на друга всех членов ее, не исключая детей дошкольного возраста. Насилие, лицемерие, взаимная злоба и ненависть в семьях сегодня уже никого не удивляет, даже сравнительно благополучные семьи не гарантированы от внезапных вспышек неразумия. Где та любовь и уважение, которые были между мужем и женой? Куда девалась любовь между родителями и детьми? Да и как тут быть любви, если дети стали для родителей, гоняющихся за благами мира сего, обузой, — а родители для детей — примером лицемерия и нервозности?

Но настало, по милости Божией, время благоприятное, и мы стали перед выбором, что избрать — жизнь или смерть. Обрести Бога в сердце своем и согреть сердце свое теплотою веры — или остаться холодным и равнодушным, с ледяным и нечувственным сердцем своим. Да не будет с нами этого, последнего.

Сегодня мы стоим перед великой тайной времени и вечности. Эта тайна особенно ясно предстает перед нами в наступающую Новогоднюю ночь. Мы яснее видим прошедшее, настоящее, хотим увидеть будущее. Жизнь наша течет, как река, и мы приближаемся к вечности. Живя во времени, как образ Божий, мы носим в себе образ вечности. Эта удивительная и таинственная ночь приближает нас к нашему Творцу, приближает нас и к человеку. Именно поэтому в Новогоднюю ночь мы хотим быть в кругу друзей и знакомых, мы многое желаем им. Но прежде всего в эту ночь наступающего Нового года нам надо делать то, что мы не всегда хотим делать, порой можем — и не желаем. Нам надо молиться. Господь сказал: «Чего ни попросите с верой в молитве, получите». Такова сила молитвы.

Сегодня в преддверии Новогодней ночи мы благодарим Господа за милости и страдания, за испытания и надежды, потому что мы верим и знаем, что Бог не оставлял нас, не оставлял даже тогда, когда мы уходили от Него и забывали о Нем.

Для нас и нашего храма прошедший год был годом скорби, слез и страданий. Проповедники любви из Московской патриархии и их сатрапы постарались выплеснуть яд и желчь на неповинных прихожан, защищая ценой лжи свое «министерство правосла-

вия», выращенное и сформированное безбожной властью сталинского, а затем брежневского времени. На страницах своей церковной газеты они облили грязью всех нас, прихожан этого храма. Архиепископ Валентин Мищук отказался от суздальской пасты, назвав всех нас неверующими, «околоцерковными неформалами». Сменивший его на «посту» новый епископ Евлогий Смирнов осаждает град Суздаль. Ему так хочется расколоть жизнь нашей общины, посеять вражду и недоверие между нами теми же методами, какими действует его московское начальство на Украине и в Белоруссии — но Бог с ними!

Уходящий год стал для нас и годом открытий, годом великого духовного прозрения и духовной радости, ибо мы стали, не смотря ни на какие преграды, участниками светлого и радостного для сердец верующих суздальн торжества — празднования 1000-летия Крещения Земли нашей Суздальской. Мы имели радость приветствовать тех архипастырей, которые, в отличие от иерархов Московской патриархии, поспешили на зов страждущих. Эти Владыки не выступали по радио и телевидению с призывами о милосердии к больным, к уважению седин старческих, к человеколюбию и терпимости, — они просто пришли к нам как истинные хранители нашего Российского Православия, истину и чистоту которого они пронесли через годину изгнания; вдали от Родины, на чужбине они сохранили там для России то чистое и святое, что не смогли, не захотели хранить здесь, на Родине, те епископы, которые были на это призваны. И не случайно с такой дикой яростью иерархи Московской патриархии и их пособники в средствах массовой информации набросились на Российскую Православную Церковь, на ее старца, Первоиерарха, Высокопреосвященнейшего митрополита Виталия и Архиерейский Синод. Их гнев нам понятен.

Как хотелось патриархии свободно и беспрепятственно — как прежде — расправляться с неугодными ей! Как ее номенклатурные епископы томили православный народ, пытаясь взять измором то, что не удалось насилить! Суздальские верующие стояли, как нищие, дрожа от холода и голода у ворот патриархийного здания, где заседал Синод, в течение целого дня ожидая услышать долгожданное слово правды из уст архиереев или, по крайней мере, увидеть понимание и сочувствие, — но стояние оказалось напрасным, а результат — противоположным ожидаемому. И там, за воротами особняка, были не архиепископ Валентин Мищук с его нелепой и непредсказуемой логикой и не тихий и кроткий в виду епископ Евлогий Смирнов, действующий отнюдь не кротко, — нет. Там был патриарх, там были митрополиты, архиепископы и епископы — члены Священного Синода, и среди них — нынешний патриарх Московский Алексей II. Это была Церковь —

но не Мать, наемники, а не пастыри, собрание, заседание — но не собор Православных епископов. И они отвергли нас, презрели слезы и мольбы своей паствы, ищущей и защищающей правду, добро и справедливость. Могло ли быть иначе? Для этой хорошо устроеннейшей бюрократической верхушки, разъезжавшейся обедать на черных лимузинах и презрительно не замечающей стоящих у ворот замерзших верующих мы были, по признанию архиепископа Валентина Мишука, всего лишь чернь.

Мать, если она истинная, а не мачеха, всегда слышит чад своих и не отвергает их, какими бы они ни были. И наша истинная Мать, истинная Русская Церковь нас услышала — и она поспешила на наш зов. Сторонники прошлого в России еще очень сильны. Что ждет нас, отошедших от патриархийного отступничества, лицемерия, ереси и лжи? Быть может и наш путь пройдет через Голгофу? Время это покажет. А сейчас перед нами открыты врата будущего, и мы вступаем в него с надеждой.

Милостью Божией да будет наступающий Новый год для всех нас, нашей Суздальской общины, для нашей святой Российской Православной Церкви, для всех людей православных — мирным и благополучным. «Уповайте на Господа во веки, ибо Господь Бог есть твердыня вечная». Радуйтесь всегда, потому что с нами Бог!

Аминь.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ В СУЗДАЛЕ

Удивительная была ночь перед Рождеством в Суздале, когда после Всенощного бдения мы возвращались к гостеприимным хозяевам, приютившим нас, гостей из Москвы. Мы шли через большое заснеженное поле в самом почти центре города, любуясь покрытыми белизною храмами и звездочками в небе, в которых, как казалось, продолжали звучать рождественские колокола и дивные ирмосы праздничного канона.

Но, как известно, нечистая сила любит проявлять себя в Рождественскую ночь, чтобы досадить добрым христианам и расстроить их праздничное настроение.

О том, что случилось когда-то в Ночь перед Рождеством, подробно и правдиво рассказал наш незабвенный Николай Васильевич Гоголь, и, надо сказать, что в эту нашу Рождественскую Ночь нечистая сила проявила себя ничуть не менее, чем в ту далекую ночь на Украине, причем с достойной нашего века изобре-

тательностью. Хотя в эту ночь бес, кажется, и не летал через трубу на небо, чтобы украсть луну, зато он решил украсть правду — и с этой целью залез на антенны радиостанции «Свобода» и, приняв сначала вид канадского профессора Поспеловского, а затем — французского гражданина Струве, изрядно-таки награждал всевозможными ругательствами и клеветой всех православных христиан Российской Православной Церкви за то лишь, что мы, подобно кузнецу Вакуле, посмели в не слишком приглядном виде изобразить его самого и его делишки в Московской патриархии и так называемой «Американской автокефальной Церкви».

Впрочем, расстроить зимнее чудо Суздаля с его Рождественскими службами, колядками (в том числе украинскими, что еще более усугубило сходство происходящего с гоголевским рассказом), с детской радостью на чудной елке, устроенной Суздальским приходом, и еще — с особой радостью, какая бывает у людей, когда они, победив в себе всякую ложь и неправду, выходят на прямой путь истины, чистой и светлой, как та снежная дорога, которая вела нас через сказочный заснеженный город из нашей церкви к добрым нашим хозяевам, — такое чудо невозможно было расстроить не только разного звания мелким бесам, но и самому дьяволу, если бы он всей своей силой ополчился на нас — «яко с нами Бог!»

Н. Г.

БУДНИ ПАТРИАРХИИ

Жаль, что газета не сообщает — искупался ли сам отец Николай в «достойном объекте» или, может быть, попил из него?

СПОРТ И ЦЕРКОВЬ

Сегодня церковь активно действует во всех областях нашей жизни. Ее благотворительные акции направлены на малоимущих и инвалидов, стариков и детей. Не находилось общих точек только в такой сфере, как спорт. Но вот и тут религиозные лидеры столицы сумели-таки создать прецедент для дальнейшего сотрудничества со спортивными организациями города. Настоятели нескольких московских храмов учредили специальные призы для победителей и участников массовых спортивных состязаний, прошедших в Рождественские праздники.

А накануне Рождества после двухлетнего ремонта был открыт бассейн «Стунь». В церемонии принял участие настоятель ближайшей церкви отец

Николай. После освящения он признался, что это первый случай в его практике, когда спортооружение Москвы получило благословение церкви. В советский период, разумеется.

Надо сказать, что объект выбран достойный. Теперь пропускная способность бассейна—полторы тысячи человек в день. Он оснащен современными озонаторными установками, что для столицы вновь.

(Газета «Московские ведомости», № 1 1991 г.)

ВЛАДИМИРСКИЙ ЕПИСКОП ЕВЛОГИЙ ПРОДОЛЖАЕТ СЕЯТЬ ВРАЖДУ на Суздальской земле. О его деяниях недавно писала газета «Прямой путь» (№ 17, декабрь 1990 г.). Недавно десятка «верующих» Московской патриархии, получив путем закулисных махинаций Никольский и Христорождественский храмы в свое пользование, начала агитацию в городе, зазывая к себе суздалян и туристов. Одновременно распространяется клевета и ложь о прихожанах Цареконстантиновского храма. Об этом подробнее мы расскажем в следующем номере. Сегодня «Суздальский паломник» публикует письмо Экзарха Архиерейского Синода, Управляющего делами Суздальской епархии архимандрита Валентина епископу Евлогию.

**Преосвященному Епископу
Владимиро-Суздальскому Евлогию**

Уважаемый Владыко!

Вашу поздравительную открытку и письмо, датированное 10/1-1991 г., получил лишь 23 января через Вашу посыльную монахиню Маргариту. Весьма признателен Вам за поздравление и благопожелания. Разрешите взаимно поздравить Вас так же с прошедшими Праздниками Рождества Христова и Богоявления с пожеланием от Богомладенца Христа благоразумия и познания истинного пути Православия, отречения от ереси XX в. и быть достойным сопричастником славы Божией.

Со всей отчетливостью понимаю, что данное письмо может вызвать у Вас бурю негодований, а посему не хотелось искушать Вас соблазном греховности, таящейся в проявлении чувства мести, и зародить пилатовский соблазн, но Бог тому свидетель, что злодеяние, творимое Вами во Владимири-Суздальской епархии, выходит за рамки христианской этики и морали.

Не стану перечислять факты, которые имеются у меня, в этот

раз, Вы все равно не признаете их. Отмахнетесь от всего, как некогда апостол Петр от светлой памяти Христа. Поэтому я хочу остановиться лишь на одном документе. Еще и еще раз перечитывая по-своему неповторимый документ, никак не могу отделаться от двух берящих душу вопросов: во-первых, неужели подобное «творчество» может представлять собою интеллектуальный уровень истинного архипастыря? И, во-вторых, — за кого, собственно, Вы принимаете меня?

Смею Вас уверить, что я не такой уж безответный. И если суровая жизнь, следуя слепой закономерности безбожного времени, больно ранит душу кого-нибудь из моих ближних по вере, по духу, у меня всегда найдутся и слова сострадания к незаслуженно обиженному, и слова справедливой отповеди самонадеянному обидчику.

В Вашем письме прослеживается субъективизм, фальсификация и искажение исторических фактов, на которые можно было бы не обращать внимание, если бы это исходило от простого мирянина, но когда это исходит от человека, облеченного архиерейским саном, да к тому же со званием профессора, не удивляться нет никаких сил.

Вы пишете, что Зарубежная Церковь якобы осужденная еще в 30-е годы Святейшим патриархом Тихоном. Неточны Вы, уважаемый профессор, и далеко не точны, ибо Первоиерарх Российской Церкви святитель Тихон, в указанные Вами годы, уже в Бозе почил (+1925 г.). И Он никак не мог осуждать Зарубежную Церковь, точно также не мог это сделать и загнанный в таежную ссылку митр. Петр, патриарший местоблюститель.

Чтобы не мудрствовать, я вынужден процитировать выдержку из письма приснопамятного Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому):

«От Всероссийской Церковной власти мы были оторваны и, применительно к постановлению от 7/20 ноября 1920 г. продолжали временно существовать самостоятельно. В 1922 г. под несомненным давлением большевиков, патриарх Тихон прислал нам об упразднении Высшего Церковного Управления за наши противокommунистические выступления. Постановление это, как противоречащее определению Всероссийского Церковного собора от 2/15 августа 1918 г. было незаконным, но мы все ж подчинились. Высшее Церковное Управление, в которое, кроме архиереев, входили клирики и миряне, мы упразднили, а чтобы паства наша не осталась без окормления, образовали Синод и Архиерейский Собор, на началах постановления от 7/20 ноября 1920 г. Вы не вправе отменить в отношении нас действия постановления от 7/20 ноября 1920 г., ибо оно вынесено Святейшим патриархом, Священным Синодом и Высшим Церковным Советом...»

Таким образом, РПЗЦ на протяжении всего времени, являясь частью неделимой Российской Церкви, в целостности сохранила чистоту Православного вероучения, постоянно отражая натиск любого инославного вероучения, не оставила своих чад без духовного окормления.

Зарубежная Церковь всегда желала и желает единства, чего нельзя сказать об Архиепископах Московского патриархата, которые вовлечены в ересь XX столетия, увязли в коррупции и превратили приходы в большие кооперативы по выкачиванию денег. Вы обвиняете Зарубежную Церковь в присвоении себе права судьи. Как четко перекликаетесь Вы в своих обвинениях с неким проф. Поспеловским, но и здесь Вы неправы. Зарубежная Церковь всегда называла и называет вещи своими именами: если это были гонения, РПЗЦ называла их гонениями; если были страдальцы за веру, истинные Архиепископы так и называли их, в отличие от Иерархов Московской патриархии, которые именовали Зарубежную Церковь контрреволюционерами, да предателями.

Вы пишете, что Зарубежная Церковь ищет сучок в бедном глазу Московской патриархии. Простите, Бога ради, но незачем искать сучок в глазах Московской патриархии, ибо за бревнами сучка не увидишь. Если хотите найти подтверждение, далеко ходить не стоит, а лишь откройте журналы, почитайте газеты, просмотрите свою же советскую прессу и телевидение и Вы поймете, что это не наговоры, а крики и стоны изболевших душ православных людей, изнемогающих от бездуховности и жестокости, от пресмыкательства и лжи иерархов Московского патриархата.

Далее Вы пишете, что я вышел из ограда Матери-Церкви и увлек за собой верующих в другую Зарубежную Церковь. Позвольте поправить Вас, что я не выходил из ограда Матери-Церкви, а бежал от наемников Московской патриархии — удельных князьков, требовавших от меня предательства, клеветы на верующих и письменного отречения от своей паствы, отречения от жителей Суздаля, отречения от Церкви, которую, с Божьей помощью, открыл, отреставрировал и более 10 лет возносил свои посильные молитвы вместе со своими богомольцами.

С глубокой надеждой на духовное
возрождение истинного Православия, его
незыблемых традиций, торжества Апостольских
правил и постановлений Вселенских соборов

Управляющий делами,

Экзарх Русской Православной Церкви Зарубежом

АРХИМАНДРИТ ВАЛЕНТИН

25 января 1991 г.

г. Суздаль

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Письмо епископа Евлогия архимандриту Валентину от 10.01.1991 г. мы помещаем в конце журнала в ПРИЛОЖЕНИИ, чтобы те читатели, которые не желают хранить это историческое послание, могли без ущерба для своего экземпляра «Сузд. паломника» оторвать его и выбросить.

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

О СОБЫТИЯХ В ПОСЕЛКЕ САНИНО

В прошлом выпуске «Суздальского паломника» мы обещали рассказать подробнее о том, что произошло в Черниговско-Гефсиманском приходе поселка Санино Петушинского района Владимирской области, община которого недавно перешла в лоно Русской Православной Церкви.

Новосозданная община принуждена была испытать на себе «христианскую любовь» «смирненного» епископа Евлогия, возглавляющего Владимирскую епархию с недавнего времени.

Как рассказали жители Санино, все началось с того, что назначенный в этот приход клирик Владимирской епархии иеромонах Сергей Баженов, приехав в Санино, пообещал прихожанам, что будет совершать службу каждые субботу и воскресенье, однако обещание не выполнил. Его упрасивали послужить хотя бы на праздник святителя Николая (19 дек.), он снова пообещал всему народу на сельском сходе служить Литургию, тем не менее на праздник вновь не явился. Незадолго до этого он говорил: «Мы пожалели, что открыли ваш приход, лучше бы на те деньги, что собрали на храм, построить дорогу к селу Ильинское». (Это соседний приход, где служит игумен Палладий Отрошко на месте изгнанного епископом Валентином Мищуком игумена Арсения. О прихожанах, несогласных с изгнанием игум. Арсения о. Палладий сказал: «Это не мои прихожане». С тех пор к нему в храм почти никто не ходит).

Церковный совет Черниговско-Гефсиманского прихода дважды встречался во Владимирском епарх. управлении с епископом Евлогием. В первый раз еп. Евлогий сказал, что «прислан во Владимир специально, чтобы разобраться с теми делами, которые здесь натворил предыдущий епископ Валентин Мищук». «Я не хотел, — говорил еп. Евлогий, — ехать сюда, мне хотелось остаться в Оптиной пустыни, но меня прислали разобраться».

Во время второй встречи с верующими Санино еп. Евлогий

говорил уже только о том, что «всем надо нести послушание», что «послушание — это наша обязанность» и т. п., т. е. он, и довольно быстро, стал повторять слова предыдущего епископа и уполномоченного Совета по делам религий о послушании. О том, как воспринимает сам еп. Евлогий значение этих «официальных встреч» (после того, как община перешла в Российскую Православную Церковь), читатель может судить по тексту листовок, расклеенных на столбах и заборах Санино (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 2).

Приход не стал дожидаться, когда на его деньги станут строить дорогу в Ильинское, а, довольно уже наслышавшись блудословствований о послушании, терпении и благих намерениях «в ближайшее время положительно разрешить все проблемы», принял решение перейти в юрисдикцию Истинной Церкви.

Это обстоятельство вызвало у еп. Евлогия «глубокое беспокойство», дошедшее до того, что 5 января, накануне Рождественского сочельника, когда во всех церквях молятся, руководитель епархии приехал в Санино в сопровождении печально известного нашим читателям о. Димитрия Нецветаева (нынешнего секретаря епарх. управления), благочинного Петушинского района о. Андрея, неромонаха Сергея Баженова, а также двух других священников.

В тот день в поселковый магазин привезли продукты, и возле него собралась большая толпа народа. Высокие гости подкатили прямо туда, и с места этого уже не сходили. Страстный призыв еп. Евлогия «вернуться в лоно Московской патриархии» не вызвал сочувствия у жителей. Тогда еп. Евлогий применил иное средство: он сказал, что если прихожане ослушаются его, то они «вместе с отцом Арсением пойдут в ад(!)» Верующие ответили, что они за отцом Арсением пойдут в любой ад, даже если он уготован Московской патриархией и ее покровителями. Видя такую непреклонность, еп. Евлогий пустился на уговоры. Он сказал, что пришлет в Санино двух священников, чтобы была непрерывная служба в храме; пообещал большую материальную помощь, добавив многозначительно, что у него «большие связи» (интересно, в какой организации?), и что он обеспечит храм не только стройматериалами, но даже и рабочими, — лишь бы прихожане вернулись под его омофор.

Народ спросил: почему же так бесовестно обошлась патриархия с игуменом Арсением? Еп. Евлогий ничтоже сумняшеся ответил:

— Ваш Арсений не священник, а простой деревенский мужик, и все таинства, которые он совершает, недействительны. (Хорошо еще, что народ чернью не назвал). После всего вышесказанного еп. Евлогий пообещал отлучить всю общину от Церкви.

— Нас еще не прилучили, а он уж отлучает! — возмутились

прихожане, которые более двух лет добивались открытия храма, закрытого в 1937 году.

В своей листовке, которую его люди расклеивали на столбах в Санино по ночам, «смиранный епископ Евлогий», (как он подписан), профессор-богослов, между прочим пишет:

«Напоминаем, что Александр Киселев... лишен сана и монашества за непослушание в 1989 году Святейшим Патриархом...» Нам трудно поверить, что профессор думает, будто сан и монашество можно снять «за непослушание». Церковные правила налагают такое наказание лишь на тех, кто совершил тяжкое преступление или антихристианский проступок против канонов и постановлений св. отцов. На игумена же Арсения репрессии патриархии обрушились после его отказа сотрудничать с КГБ. Покойный патриарх Пимен никакого участия в преследовании игумена не принимал, да и никто из высшего руководства патриархии не решился пойти на столь очевидный противозаконный шаг, как снятие сана. Когда игумен Арсений приехал в Синод за указом о снятии с него сана, которым его пугали, то оказалось, что такого указа нет. Видимо, сроднившись за десятилетия сергианского отступничества с государственным аппаратом недалекого прошлого, патриархия и его подданные переняли и принципы управителей, сваливая ответственность за все злодеяния на покойников (в данном случае, на покойного патр. Пимена).

На вопрос: как он относится к Зарубежной Церкви? — еп. Евлогий не дал ответа. Ранее, на первой встрече с прихожанами, он, отвечая на вопрос: «Почему по епархии распространяется клевета, будто Зарубежная Церковь — католическая?», сказал, что «эта Церковь — Православная, но архимандрит Валентин на неверном пути, потому что ослушался». Несмотря на это, измышления, что «в Суздале американская католическая церковь» продолжают активно распространяться по епархии, в том числе с помощью экскурсоводов музея, которые втолковывают туристам, что «церковь в Суздале подчиняется Вашингтону».

...Простояв у магазина два с половиной часа и изрядно озябнув, еп. Евлогий с сопровождающими его лицами попытались пригласить верующих в клуб, т. к. в храм их так верующие и не допустили. Охотников идти с епископом в клуб не нашлось, и ему ничего не оставалось, как только бесславно покинуть Санино.

В настоящее время храм восстанавливается силами прихожан и священника о. Арсения, готовится к открытию воскресная школа, регулярно совершаются службы, исполняются требы по просьбам прихожан.

Незадачливый иеромонах Сергей Баженов (ему 21 год) проживает теперь, видимо, по распоряжению еп. Евлогия в пос. Са-

нино в доме гр-ки И. Рожковой и пытается внести смуту и раскол в ряды общины.

Недавно после праздника Крещения, из епарх. управления приехали представители еп. Евлогия и обратились в сельский совет с просьбой предоставить епархии земельный участок для строительства нового храма в Санино. (Вот как припекло!) При этом служащие епарх. управления заявили, что «Церковь отца Арсения — антисоветская, а мы вашу политику будем поддерживать». Не совсем ясно только: чью это «вашу»? Сельский совет, по идее, должен представлять интересы жителей поселка, а народ свое мнение уже высказал.

Таким образом, мы еще раз на конкретном примере видим явы отступнической и прогнившей иерархии Моск. патриархата. Для тех, кто действительно ищет спасения души и серьезно смотрит на жизнь и Церковь Христову, есть только один путь — как можно скорее выйти из этого стоячего пруда, где готовы поддерживать даже ту политику, от которой сами ее авторы сегодня отказываются. Река жизни от источников воды живой ждет их.

(Собств. корр.)

ДНИ, КОТОРЫЕ ПОТРЕЯЛИ МОСКОВСКУЮ ПАТРИАРХИЮ

Суздальская хроника

(Продолжение, начало в №№ 1 и 2)

...На следующий день рано утром в Москву отбыла делегация с письмами в Патриархию и Совет по делам религий.

3

Подходя к особняку в Чистом переулке в Москве, где расположена резиденция патриарха, а также Священный Синод и вся канцелярия Московской патриархии, наши делегаты испытывали вполне естественное волнение. Шутка ли — идти к самому патриарху, входить в замкнутое со всех сторон пространство двора с кованой оградой и внушительными железными воротами, возле которых справа — домик патриархиейной охраны, а слева, на всякий случай, — будка милиционера, как возле иностранных посольств. Не так просто было и найти это здание посреди похожих один на другой кривых переулков между Арбатом и Кро-

поткинской, тем более, что никаких внешних признаков Церковного учреждения снаружи здание Синода не имеет. Через двор время от времени проходили какие-то служители в рясах и подрясниках, это только и служило указанием на принадлежность здания. Сотворив молитву, суздаляне робко осведомились у привратника: здесь ли приемная патриарха? Укоризненно глядя на них, служащий ответил, что никакой приемной у патриарха нет, потому что он никого не принимает, хотя находится здесь, и тут же — Синод, но сейчас «синодалов» нет.

Узнав, что верующие приехали с письмом к патриарху Пимену и увидев у них в руках цветы, привратник немного смягчился и указал на двери здания направо, где канцелярия Управляющего делами: «Зайдите туда».

За указанными дверями оказался коридор с лестницей, по которой поднимались только с разрешения дежурного — совсем, казалось, молоденького, почти мальчика, но по-взрослому строгого, с аккуратной прилизанной причесой. Впрочем, при более внимательном рассмотрении ему можно было дать и 20 и 30 лет. Он строго остановил верующих: «Что вы хотите?» Волнуясь и сбиваясь, женщины рассказали, что они из Суздаля, посланники от церковной общины с письмом к патриарху Пимену, что им надо встретиться с патриархом и рассказать ему о несправедливости епархиальных властей по отношению к духовенству.

— Знаем, знаем! — замахал руками мальчик, — вы уже сами себя вашими хулиганскими действиями скомпрометировали!

— Какими это хулиганскими действиями? — удивились наши, — это когда мы умоляем оставить нам нашего настоятеля и плачем оттого, что нас не хотят слышать?

— У нас создалось впечатление, что в Суздале — неверующие люди.

— Отчего же у вас такое впечатление?

— Вашему настоятелю надо выполнять послушание и ехать куда велят, а вам надо принять нового настоятеля и успокоиться.

— Да как же успокоиться, когда больного человека выгоняют в самый мороз из дома, из храма, отрывают от духовных детей, от прихожан, которые молились с ним 16 лет, и даже не хотят слышать нашу просьбу?

— Его перевели на повышение, поближе к Москве.

— На повышение?! А вы бывали в Покрове?..

— Это к делу не относится. Патриарх вас не примет. Он болен.¹

¹ ПРИМЕЧАНИЕ: В последний год жизни патриарх Пимен, действительно, находился в тяжелом состоянии: он мог только сидеть, не узнавал того, кто с ним разговаривает, не понимал, о чем говорят. Правящую верхушку Моск. патриархии такой руководитель вполне устраивал.

— Тогда, может быть, примет кто-то из Священного Синода?

— Никого нет.

— Мы подождем.

— А чего ждате? И так все ясно.

— Возьмите хотя бы письмо для патриарха, здесь несколько сотен подписей. Вы регистрируете письма?

— У нас письма не регистрируют. Можете оставить, но толку от этого все равно не будет.

— А если послать по почте?

— Результат будет такой же.

Тем временем две девицы, любопытствуя, присели рядом с дежурным и тоже пытались вмешаться в разговор.

— Передайте хотя бы цветы патриарху.

Юноша небрежно положил цветы на край стола.

— Вы хоть в вазочку их поставьте или в баночку, ведь завянут.

— Поставлю потом, мне сейчас некогда.

Разговор еще продолжался некоторое время в том же духе, становясь все более бессмысленным. Цветы в вазочку, которую откуда-то принесли дежурному девушке, тот все же поставил и суздальские наши вышли из здания. Перед воротами патриархии сидели, укрыв ноги одеялом от холода, верующие из Краснодара с плакатами протеста. Их никто не хотел замечать.

С неприятным, тягостным чувством покинули суздальские делегаты эту крепость в Чистом переулке, где бюрократизм, по-видимому, преуспел гораздо более, чем даже в кошмарных госучреждениях, — там хоть в приемных письма регистрируют, а тут — цинично и просто: хотите оставьте, хотите — нет, все равно толку не будет.

На очереди был визит в Совет по делам религий при Совете министров РСФСР (ныне распущенный) в Денисовском переулке, неподалеку от патриаршего Богоявленского собора. Проплутав изрядное время по переулкам Бауманского района столицы, суздальские с большим трудом нашли это учреждение, как и патриархия, не имевшее никакой вывески или таблички на фасаде, по которым бы можно было догадаться, что именно здесь решаются важнейшие вопросы религиозной жизни Российской Федерации. Зато здесь, в отличие от патриархии, их приняли быстро и приветливо. Беседовал с ними Александр Ильич Кудрявцев, зам. председателя Совета. Он внимательно выслушал жалобу, ознакомился с копией письма патриарху и посочувствовал верующим, сказав, что для Совета этот перевод архимандрита Валентина в Покров является полной неожиданностью; что архимандрит известен своей популярностью у верующих, своей энергией, заслугами в восстановлении храмов, и что Совет даже подготовил письмо (Алек-

сандр Ильич показал письмо) с просьбой отметить заслуги архимандрита в подготовке и проведении празднования 1000-летия Крещения Руси, его вклад в защиту мира, — и собирался уже переслать это письмо во Владимирский облисполком. Суздаляне были удивлены, конечно, однако вспомнилась и поговорка «У всякого чина своя причина» и еще: «Мягко стелют, да жестко спать».

Как и ожидалось, общий вывод разговора был уже известный: «Церковь отделена от государства — мы сочувствуем, но помочь, увы, ничем не можем»...

Посетили наши делегаты и Совет по делам религий при Совмине СССР, на Смоленском бульваре, 22, где их принял зав. отделом Шарипов. Аргументация, содержание и смысл его ответов верующим оказались совершенно аналогичными речам патриархального коридорного, которому «Пушать не велено», только в более резкой и эмоциональной форме, с быстрой жестикуляцией и добавлением убедительных доводов о том, что епископ — наместник Бога на земле и каждое его слово для настоящих (он подчеркивал: настоящих, — и это звучало почти как: «настоящих советских людей») верующих — закон, который должен выполняться беспрекословно и без рассуждений, «как в армии». (Много позже в результате нашей любознательности мы узнали и причину такой убежденности тов. Шарипова: на основании Инструкции Совета по делам религий СССР от 31.10.68 г. существует негласный порядок, когда никакой перевод священника на другой приход и ни одно рукоположение в священный сан не могут быть совершены без устного согласия уполномоченного Совета по делам религий, а если речь идет о епископе — то без согласия Идеологического отдела ЦК КПСС)...

В этот трудный день наши курьеры посетили и две столичные редакции газет — «Аргументы и факты» (которые тогда еще считались очень независимой и злободневной газетой), там с интересом выслушали, ознакомились с письмом, и сказали, что этими вопросами редакция не занимается; — и «Московские новости», где бумаги были приняты и обещана посильная помощь.²

² ПРИМЕЧАНИЕ: Через несколько дней почтой материалы о суздальских событиях были направлены во многие газеты и журналы, в том числе в «Правду», «Советскую Россию», «Огонек», «Родину», «Известия», «Московский Церковный Вестник» — и почти всюду ответом было или молчание, или вежливая отписка. Сов. Россия прислала корреспондента, и тот подробно беседовал с прихожанами: при виде глубокой скорби пожилых людей на глазах корреспондента появились слезы, однако публикации так и не последовало. Приезжали тележурналисты ЦТ (программа «Время»), корреспонденты радио «Маяк», киножурналисты, но все кануло в тень цензуры. Помогли лишь «5-е колесо» (СПб), «Моск. новости» и позже в «Огоньке» появилась статья А. Нежного.

Тем временем в Суздале движение в защиту духовенства возрастало. Видя, что в храме всегда народ, готовый защищать свои святыни от посягательств незваных гостей и самозванных руководителей, о. Димитрий Нецветаев перестал делать нам визиты, но в Суздале бывал — в основном в здании горисполкома. У храма регулярно «возникала» фигура только о. Сергия Фестинатова: он читал плакаты и объявления, пытался заговорить с верующими — так было 11 и 12 декабря. Его провожали до его машины, советовали не тратить напрасно время на езду из Владимира и побережь горячее.

С 12 декабря по общему решению прихожан начались массовые посылки телеграмм с протестами в адреса патриархии, Советов по делам религий, архиерею, уполномоченному Владимирского облисполкома, съезду народных депутатов, Горбачеву. На патриархию и Совет по делам религий эти телеграммы посыпались как снег — уведомления о вручении телеграмм адресатам скоро покрыли все деревянные перегородки у свечных ящиков, куда верующие их прикалывали кнопками. Не знали отдыха и телефоны патриархии и ведомств в Денисовском переулке и на Смоленском бульваре. Сначала по телефонам отвечали примерно так же, как делегатам 11 декабря, но скоро увещевания сменились молчанием или раздражением. Особенно кричала в трубку дама, отзывавшаяся по личному телефону патриарха (очевидно знаменитая Надежда Всея Руси, как прозвали ее в патриархии). Одной прихожанке удалось дозвониться до патр. Пимена, когда этой дамы не было рядом: он ответил «да» и выслушал все, что ему рассказала прихожанка, громко вздыхая и не отвечая больше ни слова — затем очень долго не вешал трубку, может быть заснул или забыл, что снял трубку телефона (см. примеч. 1).

В посылку телеграмм включились многие горожане и жители окрестностей Суздаля, некоторые телеграммы содержали весьма нелицеприятные тексты, например с обличением КГБ и уполномоченного Шибаева, были и коллективные, в одной из них, среди прочего говорилось, что работники ресторана Главного туристического комплекса в Суздале (они подписали свои фамилии) знают о. Сергия Фестинатова и его брата Вячеслава Ивановича (референт архиепископа Валентина Мищука); а также сыновей о. Димитрия Нецветаева как завсегдатаев своего заведения, и что таких священников суздаляне не хотят. Инициатива горожан, приняв самостоятельные формы протеста, весьма возросла, и впоследствии церковному совету пришлось призывать их к недопущению резких выражений своих чувств. Такую бурю пришлось пожинать тем, кто посеял ветер раздора — а куда ветер дует, туда и тучки бегут.

Телеграфно-телефонная метель растревожила-таки кое-кого в

государственных и церковных учреждениях. Видимо на кое-кого было оказано соответствующее воздействие. Так или иначе, результаты не замедлили явиться.

14 декабря, в четверг, около 7.30 утра в наш храм заглянул о. Сергей Фестинатов, тихий, с тяжелым запахом винного перегара и еще не остывший. Его попросили уйти. Это была только разведка. В начале 10-го часа дверь храма резко распахнулась и внутрь ворвались секретарь Владимирского епархиального управления протоиерей Георгий Горбачук, а за ним — новый настоятель Владимирского Успенского кафедрального собора протоиерей Александр Кузнецов (тот самый, который в Ильинском ломал двери храма и ногами махал: «Я каратист!»), следом всунулся немного приободрившийся о. Сергей Фестинатов. Это новая архиерейская «тройка», в которой «застенчивого» Невцветаева заменил циничный и наглый о. Георгий Горбачук, а «нерешительного» о. Юстиниана Сагана — «каратист» о. Александр Кузнецов, настроена была отнюдь не миролюбиво.

О. Георгий, уверенно работая локтями, устремился вперед, но метра через три ему пришлось остановиться в плотной массе суздалян, повернувшихся навстречу непрощеным гостям. «Каратист» хотел ринуться за о. Георгием, но ему путь успели преградить. Видимо, преуспев в запугивании верующих, о. Александр решил и здесь применить усвоенную им тактику: одному из членов двадцатки, преградившему ему путь, он сказал вполголоса: «Ты со мной, парень, не связывайся, я не священник» — эту таинственную фразу настоятеля собора, однако же, услышали еще несколько человек, сразу раздались голоса:

— В таком случае Вам и делать здесь нечего!

— Уходите из храма!

— Еще и угрожают! — и о. Александра вместе с обмякнувшим и поникшим о. Сергием Фестинатовым вывели из храма и заперли за ними двери. Нарастал шум возмущенных голосов.

Перекрикивая всех и воздев над собою художавые руки, о. Георгий Горбачук страстно завопил:

— Слушайте все! Слушайте все! — с таким видом, как будто он только что разрешил некую мировую загадку.

Шум понемногу стал затихать, сменяясь любопытством.

— Что, архиерея тоже таким криком будете встречать? — спросил Горбачук.

Шум возобновился: «Что Вам нужно здесь?» «Зачем врываетесь?» «Пусть говорит!..»

— Когда приедет архиерей, надо открыть храм, не шуметь и впустить его в алтарь... — уже совсем миролюбиво заговорил о. Георгий.

Снова поднялся шум, послышались возмущенные возгласы:

— Почему он нас обманывает? За что сняли нашего батюшку? Почему архиерей не едет сам? Где же его христианская любовь? Присылает налетчиков! Выгоняет больного священника! А вы кто, собственно, такой? Представьтесь!..

Горбачук представился.

— А кто это за вами следом врывался?

— Отец Сергей, ключарь собора.

— Этого мы знаем! А второй кто?

— Настоятель собора отец Александр.

— А мы подумали, что разбойник или рэкетир, теперь модная профессия! Он сейчас заявил, что он не священник, и что с ним лучше не связываться? Он что, может, у вас по совместительству? Ничего себе, духовенство! Вот так батюшка, от своего сана отказывается!

О. Георгий умело переменял тему:

— Ваш настоятель сам подал прошение об увольнении!

— Что-что? Сам? Что за новости?!

— Да, сам. Имеются два рапорта вашего настоятеля архиерею, в которых он просит освободить его от всех послушаний.

— А какого времени эти рапорты?

— Восемьдесят восьмого года.

— Хорошо, что не тридцать восьмого! Разве Вы не знаете, что на всякое заявление полагается отвечать в течение месяца, а потом оно утрачивает силу? А нам наш настоятель говорил неоднократно, что хотел бы остаться навсегда в Суздале! Даже если такие заявления существуют, мы не знаем, какими причинами они были вызваны, надо еще разобраться.

— Ну, ладно, чего вы вообще хотите? — примирительно спросил о. Георгий.

— Мы хотим, чтобы нам вернули нашего настоятеля и оставили его и все духовенство нашего храма в покое. Пусть архиерей теперь сам приедет и вернет его. Почему он не едет?

— Его нет в епархии.

— А где же он?

— Не знаю.

— Так найдите его, вы же епархиальный секретарь, и передайте нашу просьбу.

— Я не знаю, где его дом. Ни разу у него не был, — и тут о. Георгий побожился и перекрестился. Через несколько дней мы увидели, что архиерейский дом и дом епархиального управления, где заседает о. Георгий, находятся рядышком друг с другом, на одной стороне улицы Вишневой во Владимире.

Несколько верующих продолжали говорить об архиерее, вскрывая некоторые неблагоприятные факты из жизни и деятельности архиепископа Валентина (Мищука). Страсти накалялись. Видя,

что прихожанам кое-что известно о махинациях епархиального руководства, о. Георгий стал подаваться к дверям. В это время в храм пришла секретарь Суздальского горисполкома Т. А. Панфилова. О. Георгий, обрадовавшись ее появлению, поспешил взять ее в союзники, сказав, что вот-де — они с Тамарой Анатольевной — всего лишь прокладки, сами ничего не решают, поэтому и спрашивать надо не с них.

— А нам прокладки не нужны! Пусть архиерей сам и приезжает!..

О. Георгий и Тамара Анатольевна вышли из храма, а верующие, следом за ними, прихватив иконы, хоругви и плакаты в защиту духовенства, пошли Крестным ходом вокруг храма.

Неподалеку в машине сидел о. Александр. Ему сказали, что сейчас же отправят телеграммы в патриархию и Совет по делам религий со следующим сенсационным сообщением:

«НАСТОЯТЕЛЬ ВЛАДИМИРСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА ОТЕЦ АЛЕКСАНДР ТОЛЬКО ЧТО ЗАЯВИЛ В ПРИСУТСТВИИ СВИДЕТЕЛЕЙ, ЧТО ОН НЕ СВЯЩЕННИК, И ЧТО ЕГО НАДО БОЯТЬСЯ». (Обещание было исполнено незамедлительно).

— А я скажу, что вы все хулиганы, — злобно проворчал о. Александр.

В этот же день Владимирская областная газета «Призыв» так «осветила» события в Суздале:

«ПРИЗЫВ» 14 декабря 1989 года № 286

«ВЕРНИТЕ ОТЦА ВАЛЕНТИНА»

— требуют верующие-суздальцы. А в воскресенье по этому поводу вокруг храма был совершен крестный ход, затем на импровизированном митинге зачитано заявление. И в понедельник, и во вторник — снова крестный ход, дважды в день. К событиям привлечено внимание не только верующих горожан. Что же происходит в древнем Суздале?

За ответом на этот вопрос мы обратились к компетентным лицам. Вот что нам сказали...

Анатолий Игнатьевич Шибаев, уполномоченный Совета по делам религии при Владимирском облисполкоме:

— Указом архиепископа Владимирского и Суздальского Валентина переведен в город Покров настоятель Цареконстантиновского храма в Суздале архимандрит Валентин. Верующие же с этим решением не согласны. Действительно, в минувшее воскресенье они вышли с лозунгами — «Верните отца Валентина», «Верните игумена Федора», «Глас народа — глас божий», «Верните нам надежду». В митинге участвовало примерно тридцать человек. Было зачитано заявление в патриархию с требованием изменить принятое решение. Участникам митинга было разъяснено, что вопросы назначения, перемещения священнослужителей отнесены к исключительной компетенции правящих архиереев, потому что в соответствии с Уставом об управлении русской православной церкви, принятом поместным Собором 8 июня 1988 г., это является исключительной юрисдикцией церковных властей. Указ относительно отца Валентина есть, а нужно сказать, русская православная церковь ждет исключительно на послушании.

Архимандрит Валентин:

— Несколько дней назад узнал о том, что меня назначают в Покров. Очень о том сожалел. Более тридцати лет священствую, из них 16 — в Суздале. До меня здесь пять лет не было священника, немало сил приложено, чтобы поднять с помощью прихожан запущенный приход. Три храма отреставрировано — Казанский, Цареконстантиновский, Скорбященский. Видел плоды своих трудов и это мне приносило счастье. Хотели еще несколько памятников архитектуры отреставрировать, пусть даже не для церкви, просто для всех людей. Ведь это наша история, память.

За эти годы приходилось принимать много иностранных гостей, всегда оберегал авторитет Суздаля, старался его упрочить. Только что вернулся из поездки в Аргентину. Как здесь, так и в установлении международных связей стараюсь способствовать укреплению мира. И тут такая неожиданность... Народ требует, чтобы не отдавал церковь. Но — как могу? Все церковные дела сдал своему помощнику, сам приехал после дальней поездки. Трудно сказать, как дальше развернутся события. Вряд ли, конечно, пройдет незамеченным этот факт, если архимандрит широко известен. Ведь я был и благочинным церковью Владимирского округа, и возглавлял штаб по подготовке к празднованию 1000-летия крещения Руси.

...Тамара Анатольевна Панфилова, секретарь исполкома Суздальского городского Совета народных депутатов:

— О том, что от нас переводят священника, я узнала от верующих. Они недовольны. Я возглавляю комиссию содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Скажу что между исполкомом горсовета и церковным советом складывались нормальные отношения. Бывший настоятель храма архимандрит Валентин как член районного комитета защиты мира проводил немалую работу, сам вносил вклады. Он представлял интересы церкви и при многочисленных встречах гостей из-за рубежа. Перевод его в другой город очень взволновал людей. И на работу, и даже домой приходят ко мне люди, звонят, просят помочь сохранить для Суздаля тех священнослужителей, которые были. Но дело в том, что наша комиссия неправомочна в это вмешиваться. Мы следим за тем, чтобы не ущемлялись интересы верующих, а вопросы перевода, назначения решаются правящим архиереем.

Однако верующие не успокаиваются, никак не хотят, чтобы в их храме был другой священник. Активность их нарастает. Проводя крестный ход, митинг, они не нарушают законность, действуют на своей территории. Вывешено объявление о том, что крестный ход ежедневно в 10 и 16 часов. И это соблюдается. Похоже, уступать позиции они не собираются. До каких пор? Видимо, на это указывает плакатик, тоже вывешенный у церкви: «Ждем архиерея». Мы же вопрос решить не вправе.

Интервью взяла
Э. РОГОЖАНСКАЯ,
корр. «Призыва».

Как видим, Анатолий Игнатьевич Шибаев непреклонен: «зидется на послушании» — и все тут. Насчет того, что в «митинге участвовало примерно тридцать человек» Анатолий Игнатьевич сильно поскромничал: его речь слушали не менее 150 человек.

Надо сказать, что прихожане обращались в местную газету «Суздальская новь» с просьбой опубликовать письмо, специально написанное для этой газеты. В храме побывали корреспонденты во главе с редактором, взяли у верующих интервью, сделали фотоснимки Крестного хода, взяли письмо прихожан. При этой встрече присутствовал корреспондент местного радио (передача так и не вышла в свет). После того, как в «Призыве» появилась приведенная выше статья, «Сузд. новь» сочла возможным высказать и свой, «доморощенный», взгляд на проблему, о достоинствах и информационной ценности этого взгляда мы предоставим читателю судить самостоятельно (см. следующую страницу). К сожалению, такая серьезная газета не удержалась от соблазна и поспешила объявить верующих забастовщиками, которые «оклеили храм плакатами». Что ж, этой дани плюрализму от слова «плювать» не миновали и многие еще более серьезные издания, так что не будем судить слишком строго.

● С МЕСТА СОБЫТИЯ

«СУЗДАЛЬСКАЯ НОВЬ»

БАСТУЮТ ПРИХОЖАНЕ

Такого не помнят суздальцы, чтобы действующий Цареконстантиновский храм был оклеен плакатами и лозунгами бастующих прихожан. «Верните Суздалью монахов!», «Верните нам нашего пастыря!», «Не хотим другого настоятеля!», «У нас отнимают последнюю надежду!», «Пересмотреть решение епархиальных властей!». Верующие не могут попасть в храм. По решению церковной двадцатки он закрыт, как явствует из объявления, «до восстановления архимандрита Валентина в должности настоятеля».

Два раза в день верующие во главе с пономарем храма А. Осетровым совершают крестный ход в защиту своего батюшки, ведут сбор подписей под обращением в патриархию, направили ряд писем в вышестоящие инстанции, прессу.

Получила пространное послание верующих и наша редакция. В нем прихожане храма обращаются через газету ко всем суздальцам, в том числе и коммунистам города, помочь верующим, не допустить «снятия архимандрита Валентина с должности настоятеля Цареконстантиновского храма и перевода его в Покров».

Прокомментировать эту сложную ситуацию, в которой оказались верующие суздальского прихода, мы попросили председателя комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при исполко-

ме городского Совета, секретаря горисполкома Т. А. Панфилову. Вот что она сказала:

— Весть о перемещении архимандрита Валентина для меня, как и для верующих, явилась полной неожиданностью. Могу понять озабоченность прихожан. Отношения отца Валентина с нашей комиссией всегда были хорошими и правильными. Не было ни жалоб, ни волнений со стороны верующих. Архимандрит Валентин внес большой вклад в реставрацию храмов Суздаля, оказывал помощь различным благотворительным фондам, избран членом районного комитета защиты мира и за большой личный вклад награжден золотой медалью Фонда мира. Церковь в нашей стране по Конституции отделена от государства. Поэтому с нашей стороны при всем желании сложно чем-либо помочь верующим, разве что только выразить свое понимание их обеспокоенности. Хотелось бы, чтобы все волнения улеглись как можно скорее, чтобы настроение верующих было учтено и принято во внимание всеми, от кого зависит разрешение конфликта.

П. ВЛАДИМИРОВ.

В эти дни в городском Совете народных депутатов составлялись списки кандидатов в депутаты. 15 декабря в зале здания горсовета избиратели двух округов собрались, чтобы выдвинуть кандидатом в депутаты архимандрита Валентина. Манипулируя списками и переписью явившихся для голосования избирателей, ответственные устроители этого мероприятия заявили, что для голосования не хватает присутствующих, и закрыли собрание (председатель избирательной комиссии В. И. Безруков особенно усердствовал, сказал немного позже: «Все равно ваш архимандрит в Суздале служить не будет!»).

На следующий день ко всем этим событиям местного значения прибавилась еще одна история, ставшая как бы прологом к событию 19 декабря, о котором пойдет речь в следующей главе хроники.

История эта такова: 16 декабря, в три часа пополудни, когда храм был закрыт на все замки, и возле него дежурили наши добровольцы, к церковной ограде подкатила черная архиерейская «Волга», и из нее вышли навстречу изумленным верующим архиепископ Валентин Мищук и уполномоченный по делам религий Анатолий Игнатьевич Шибаев. С собой они, как оказалось, принудили пойти и нашего настоятеля, подняв его, больного, из постели.

— Откройте двери, архиерей к вам приехал! — сказал архиепископ.

Глаза его, хотя и грозно поблескивающие, были какие-то отсутствующие, как всегда у него, безучастные даже до беспомощности. Такой взгляд бывает у человека, находящегося в какой-то тяжелой и сокрытой от всех зависимости, человека, принужденного все время «играть роль». Но это не были глаза православного архиерея.

Присутствующие с подобающим смирением сказали ему, что храм сейчас закрыт, его откроют к службе, а сейчас ключей у присутствующих нет. Ему сказали также, что ждали его в воскресенье и снова ждут завтра, ведь разговор надо вести не с теми пятью или четырьмя верующими, которые сейчас могут здесь присутствовать, а с приходом.

— Откройте двери, — с безучастным металлом в голосе повторил архиепископ и, обращаясь к архимандриту Валентину, добавил:

— Распорядитесь немедленно открыть храм!

— Каким образом, Владыко? Я не могу ничем здесь распорядиться, ведь я уже не настоятель. Вы же видите, что двери заперты, а ключи я передал церковному совету, — ответил архимандрит Валентин и, выполняя волю епископа, все-таки сказал присутствующим:

— Немедленно откройте!

Прихожане только могли повторить, что открыть, увы, нечем. Тогда, поведя глазами вверх присутствующих, архиепископ Валентин Мищук повернулся и пошел к машине на ходу сказав своим тихим «аристократическим» голосом:

— Я не стану кланяться этой черни! — сел в машину вместе с уполномоченным А. И. Шибаевым, и они уехали. Верующие, расслышавшие слова архиерея, были буквально шокированы.

— Он сказал, вы только подумайте, он сказал: «Я не стану кланяться этой черни!» — рассказывали они подходящим ко храму прихожанам.

— Неужели так и сказал?! — удивлялись те, — вот так Владыка!

Действительно, в такое трудно было поверить. Но и не верить собственным ушам было трудно. А вскоре это слово уста епископа повторили — в знаменательный день 19 декабря.

Вечером того же 16 декабря прихожане пытались выяснить дальнейшие намерения архиерея, позвонив по домашнему телефону А. И. Шибаеву, т. к. самого архиепископа Валентина, конечно же, дома не оказалось.

— Обидели архиерея, обидели архиерея! — твердил Анатолий Игнатьевич.

Верующие просили его содействовать приезду архиерея завтра, в воскресенье 17 декабря, как и договаривались об этом раньше. Анатолий Игнатьевич пообещал, снова добавив: (как припев) «Обидели архиерея, обидели архиерея!»...

К утреннему Богослужению 17 декабря собралось более 200 прихожан. К концу службы в храм пришли представители власти (к их визитам верующие уже начали привыкать): уже знакомые читателю Е. И. Захаров (секретарь облисполкома), Т. А. Панфи-

лова (секретарь Сузд. горисполкома) и еще одно должностное лицо, доселе державшееся в тени — председатель Суздальского горисполкома Александр Иванович Маркин. Дабы им не замерзнуть на улице и не томиться в переполненном притворе Цареконстантиновского храма, их проводили в соседний Скорбященский зимний храм, где часть прихожан в ожидании архиерея читала акафисты. Однако, архиерей все не ехал и не ехал, а верующие и в том и в другом храме все молились и молились. Такого повсеместного моления представители власти не могли долго выдержать и вскоре ушли.

Около 11 часов утра в Цареконстантиновский храм вошел священник из Владимирского Успенского собора, бывший его настоятель, протоиерей о. Василий Войнаков. Он дождался окончания акафиста, затем прошел вперед, видимо, желая что-то сообщить прихожанам. Все насторожились, наступила напряженная тишина...

(Продолжение следует)

Ваши отзывы и пожелания присылайте по адресу:

601260 г. Суздаль Владимирской области,

Торговая площадь,

Цареконстантиновский собор

На конвертах помечайте: «Для «Суздальского паломника»

Дорогой отец архимандрит Валентин!

К Вам хотел бы обратиться, как правящий Владимиро-Суздальской епархией, в какой Вы долгое время состояли как священнослужитель ее, и из которой вышли, став членом так наз. Зарубежной Церкви, осужденной еще в 30-е годы Св. Патриархом Тихоном. Но с Вами оказались и прихожане Цареконстантиновского храма, разделив с Вами Ваш уход из лона Матери Церкви, что усугубило как ваше дело, так и их. Сейчас Вы как будто служите в своей церкви, как служили раньше, и, кажется, опекаете паству. Но Вы не сознаете, что делаете, т. е. делаете все новые нарушения, находясь под полным запрещением той Церкви, в какой состояли и духовно родились. Никто не вправе освободить от церковного наказания, что будто сделала для Вас Зарубежная Церковь, приняв Вас и Ваш приход, кроме самой Матери Церкви, наложившей с особой пастырской целью это запрещение на Вас, дабы прямее вразумить и исправить недуг, лишивший духовной силы Вашего священства. Вы с приходом ушли из ограды Православной Церкви, — вот и спросим, по какой причине и кто надумил Вас на этот опасный шаг? Как же это получилось, что из истинной Православной Церкви, 1000-летие которой Вы отпраздновали, вдруг она стала ложной для Вас и Вы перешли в Зарубежную как будто истинную и святую, успокоив себя тем, что решили для себя вопрос жизни, — не странно ли? Не думаю, что у Вас был в сем деле высший смысл — искать точно истину и ей оказалась для Вас Зарубежная. Насколько мне известно, дело обстояло совсем не так, как хотели бы Вы мотивировать свой переход в Зарубежную. Не в Вас ли самих лично, в Вашей душе произошли изменения, на которые надо Вам обратить внимание? Что же, с тех пор как образовалась Зарубежная за рубежом по обстоятельствам времени, о ней наша Церковь нигде не отзывалась как ложной Церкви. Однако прещение Зарубежная вскоре от нашего Первоиерарха получила, когда стала выдавать себя вдруг за полноту самой Русской Церкви, видя последнюю как будто уклонившейся от канонов своего бытия. Находясь за границей, как на тихом берегу, Зарубежная взяла на себя право Судьи обличать свою Матерь Церковь, Ее чад, попавших в страшную бурю смерти, обличать всех, кто по слабости пал в ней, кто не твердо держался за спасительный круг. Революция была испытанием веры всех россиян. Как на преп. Иова обрушилась гроза и гром испытаний, оставив его «еле жива», так и годы революции, войны, репрессии и застоя смертельно потрясли православную душу русского человека с особой сокровенной промыслительной целью для него.

испытывая его веру и ища его спасения. Будем ли мы спрашивать Бога, кто согрешил в России, что гнев Божий нашел на нее, чтобы кого-то уличить?! Если Господь попустил эту бурю времени для России, то только, только чтобы явились дела и слава Божия, вот единственный ответ св. Евагелия всем нам, если разбирать вопрос, где же сохранилась истинная Церковь, — у нас в Отечестве или за рубежом. Обличать всегда легче, труднее сносить горе жизни. Земная жизнь наша и есть горнило, в котором души переплавляются как золото в огне. Скорби, болезни — это собственный удел наш, терпя которые с верой и молитвой мы только получаем чрез них спасение.

Революция рассеяла людей по миру, скорби которых были не меньше тех, кто остался их терпеть. Если мы говорим о себе, русских людей и православных, которых постигло общее горе, будем ли мы дерзать, что еще досаждают друг другу в том, что не так терпели это горе времени, как надо было терпеть, укрывая тем общие наши слабости, — почти у всех нас одинаковые. Перед вечной истиной Бога мы все очень грешны, если не в одном то в другом. Если говорить о покаянии, то оно ведь опасительно для всех в том числе и для Зарубежной, тогда как последняя, вроде, не хочет знать за собою ничего. Нам сейчас всем одинаково надо говорить только о покаянии нашем перед Источником истины, чтобы быть истинными членами Церкви. Совсем не серьезно и не скромно, а точнее будет это духовной прелестью, если заниматься расследованием дел у своих собратьев, ища сучок, не замечая у себя сущего бревна, или говорить вместе с фарисеем, что мы не такие, как сии мытари. Сейчас совсем не ссора и вражда должна быть между нами, а полный благодатный мир и любовь во Христе Иисусе, на что есть все к тому условия и редкая возможность, если исходить из нового отношения к Церкви вообще. На глазах всего мира объединились две Германии, расщепленные войной. Что мешает нам, православным христианам, искать и иметь это полное единение между собою, как основу нашей веры, нашей Церкви? Но как раз о единении очень мало говорит Зарубежная Церковь как первой цели духовного бытия. А если говорит, то не стремясь к нему, обуславливает это единение такими требованиями к Русской Церкви, которые совсем не могут обуславливать его. В этих требованиях Зарубежная специально находит причины, чтобы отдалять ими единство, а не находить его. Более того, она думает о себе так, чтобы перед ней Русская Церковь принесла покаяние и присоединилась к ней, а не наоборот. Вот в такую, чуждую настоящего православного духа Церковь, вошел отец Валентин с приходом не из поиска и понимания истины, а только из обиды на иерархию Церкви, что для священнослужителя совсем не к лицу, не усвоившего, по-видимому, самого

основного для себя — тайны своего креста жизни. Мы проповедуем с вами «ХРИСТА распята». «И надо нам не только веровать, но и страдать за Него», — вот смысл христианства. Что же тогда вера, какой смысл ее и дух, если такое понятие как скорбь и обида не входят в содержание ее и не имеют нравственной силы? Нам совсем не понятно, как это Вы — учитель веры, исключаете из нее значение скорбей и обид, *неминуемые явления* в нашей жизни, несущие людям *одно благо для души*.

Если бы Вы *знали и понимали*, что Вы пагубно для себя делаете и для других, служа соблазном, то не поступили бы так. Не разумение вещей, а власть плотских страстей произвела столь неосмысленный поступок. Но у Бога на всякий грех и поступок есть милость и прощание, кроме богохульства, т. е. упорства во грехе. Покаяние есть спасение всему и для всех, это единственная дверь жизни. Св. покаяние и открывает Вам дверь в Церковь Божию, о чем мы молим Милосердного Бога. Продолжая служить, этим Вы только упорствуете и коснеете в своем нарушении. Остановитесь, Вас ждет Милосердный Бог, Он освятит Вас светом Своей истины, если Вы раскаетесь, Вас примет Церковь в свое благодатное лоно жизни, о чем хотел бы Вас молить и просить, дабы Церковь наша торжествовала в любви и единстве своих членов.

ЕПИСКОП ЕВЛОГИЙ.

ОБРАЩЕНИЕ К ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ОРГАНУ И ПРИХОЖАНАМ ХРАМА В ЧЕСТЬ ЧЕРНИГОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ, ЧТО В ПОСЕЛКЕ САНИНО

За последнее время при храме Черниговской Божией Матери, переданном в ведение Владимиро-Суздальской епархии в сентябре 1990 года возникли серьезные настроения, что вызвало у нас глубокое беспокойство.

Совсем недавно в епархии произошли две деловые встречи исполнительного органа и ревизионной комиссии указанной общины с правящим архиереем Владимирской епархии епископом Евлогием, которые наметили в ближайшее время положительным образом решить все основные вопросы прихода.

Если, Бог даст, эти проблемы будут положительно решены этой общиной в духе наших последних встреч, то вскоре этот приход должен будет зажечь полной церковной жизнью, о чем мы молим Господа, и к чему стремимся все.

Но если, вопреки достигнутому соглашению, данная община вдруг изменит своей Матери Церкви и удалится в раскол, так называемую Зарубежную Церковь, то мы, движимые архиерейским долгом о спасении вверенных нам пасомых, в целях вразумления, тогда вынуждены будем данной нам от Бога властью наложить церковное прещение — отлучить эту общину от Церкви Божией. Это значит, что все таинства Св. Церкви для нее будут недействительны.

Призываем наших чад церковных к благоразумию, к полному единству и спасительному послушанию Матери Православной Церкви.

Разумеется, что настоящее прещение не будет касаться тех членов общины, которые останутся верными Матери Церкви.

Напоминаем, что Александр Киселев, именующий себя игуменом Арсением, лишен сана и монашества за непослушание в 1989 году Святейшим Патриархом и совершаемые им таинства недействительны и послужат во осуждение.

С многотой любовью во Христе и молитвами о вас ко Господу смиренный

ЕПИСКОП ЕВЛОГИЙ

Епископ Владимирский и Суздальский

«ПИСЬМА К ДРУГУ»

30

Зело возлюбленный о Христе Иисусе! Спасибо тебе за письмо и некую человеческую теплоту. В настоящее время очень редко встретишь человека с которым можно было душевно поговорить и быть услышанным и понятом. Видимо сейчас время какое-то непонятное, а может быть, да и скорее всего люди стали замкнутыми и окаменевшими. Но да Бог с ними! Мне очень хотелось бы ответить определенно и ясно на все вопросы, но увы, смогу ли я?! Да к тому же должен сказать, что твои вопросы не совсем просты и таят в себе довольно-таки большой подготовки.

На мой взгляд слишком велика тайна рождения подлинного искусства! Я более чем уверен, что это остается вечной загадкой вопроса — где, в чем таятся источники художественного творчества? Целые армии исследователей-искусствоведов десятилетиями изучают каждое произведение, — сравнивают, сопоставляют, анализируют, определяют приемы и творческие методы великих мастеров, устанавливают определенные закономерности, создают научные теории искусства. А оно, меж тем, не считаясь ни с чем и живя какой-то своей таинственной жизнью, обнаруживает все новые и новые возможности, безжалостно разрушающие все догадки, все пророчества, все теоретические установления.

Нет, никогда искусство не шло за теориями! Всегда теория шла за ним, постоянно отставая от его развития, потому что всегда чего-то недоучитывали. И загадка оставалась неразгаданной.

Обыкновенный мужичишко — плотник, не ведающий ни о каких теориях, берет в руки топор, тешет бревно, второе, укладывает их рядами в сруб и вдруг рождается чудо, именуемое искусством. Обыкновенный мастеровой-каменщик укладывает кирпич на кирпич, промывая швы раствором. Где-то выступ, где-то — напуск, где-то — полудужье, обрамленное выточенным карнизиком и вдруг возникает диво дивное — постижимое равновесие объемов и чарующая гармония форм.

Не стоит ли задуматься? Ведь и плотник, и каменщик прежде, чем приступить к работе, построили свои шедевры в собственном воображении, создав из ничего их неповторимый облик. И если даже в этом облике можно обнаружить какие-то уже знакомые нам детали, какие-то уже виденные нами конструктивные

элементы, новое здание в целом все же будет совершенно иным, новым, непохожим на все, что предшествовало ранее. Будет оно таким, каким создало его воображение мастера, его творческая фантазия, его отточенный художественный вкус.

Так с чего же начинается искусство? С отесанного бревна, мастерски уложенного в сруб, с подбора ли и соответствующей обработки кирпичей создающих поверхность стены, а может быть с чего-то другого — с особого напряжения человеческой мысли, с ее созидательной деятельности, при которой когда-то уже виденное совершенствуется, улучшается и затем сплавляется еще невиданным, существующим только в воображении, в нечто единое целое, именуемое творческим замыслом. И все это — задолго до того, как будет взят в руки топор или мастерок.

Стало быть, искусство нельзя понимать как материальный результат высокого мастерства или профессиональной умелости. Таким результатом будет произведение искусства. Само же искусство, как процесс творчества, рождается задолго до того, как появляется возможность проявить и мастерство, и умелость. Рождается оно независимо от наличия мастерства и лишь своим рождением вызывает к жизни и мастерство, и умелость, потому что всегда нуждается в искусном исполнителе своих замыслов.

Мало ли прошло по русской земле на всю ее историю и умелых плотников, и искусных каменщиков, вполне способных воплотить в материальные формы любой творческий замысел. А много ли из них обладали способностью создать свой собственный замысел? Увы! У каждого из них было достаточно мастерства и умелости, достаточного профессионального опыта и практической искусности, но лишь единицы из них обладали высоким даром творческого воображения. Эти единицы и оставались первыми русскими зодчими. А все остальные проживали свой век только высококвалифицированными ремесленниками, ибо даже самое высокое мастерство, лишненное творческого воображения, остается всего лишь ремесленничеством.

Ведь в том-то и дело, что искусность, никак не адекватно искусству. Искусность — это всего лишь сумма профессиональных навыков, доведенных до определенной степени совершенства. Или еще можно сказать — это наиболее совершенное умение выполнять любые профессиональные задания. А искусство — это мысленное рождение самого замысла. Это — непостижимая способность человека силою воображения вызвать из небытия вроде бы еще и не существующую и все же ясно представляемую форму или облик того, чему еще только предстоит возникнуть в виде конкретной материальной реальности.

Так же не совсем верно полагать, что искусство призвано создавать красоту. Вернее даже сказать — совсем неверно так по-

лагать. Искусство создает не красоту, а наиболее совершенное представление о той или иной идее, вызванной к жизни условиями бытия. Художественный образ, созданный воображением автора, — это не слепок с материальной реальности, уже где-то существовавшей, а выражение авторского понимания этой реальности, понимания ее сути и ее смысла.

31

Милый мой! Суздальские храмы создают немеркнущее впечатление вечной красоты вовсе не потому, что красив каждый из них сам по себе, а потому, что в каждом из них с потрясающим совершенством воплощено авторское понимание изначального смысла как православного вероучения в целом, так и в частности и каждого конкретного события религиозной жизни, которому посвящалось сооружение данного храма. Красота здесь выступает не как самоцель, а как выражение благоговейного отношения к религиозным чувствам единомышленников и, вместе с тем, — как источник определенного настроения сопутствующего этим чувствам.

По моему красота — понимание весьма относительное. Никакими теоретическими формулами невозможно исчерпать всего содержания и сути этого понятия, потому что само проявление красоты не всегда равнозначно. Мало сказать, что красота — это гармония форм и объемов, или: красота — это уравновешенность светового и тонального воздействия на сознание человека. Все это, конечно, так, но все ж это не исчерпывает значения красоты, ее объективной сущности и ее исходного смысла.

К тому же, красота красоте — рознь. Есть, например, красота нарочито-помпезной величественности и подчеркнуто-патетической торжественности, то есть — красота, выраженная, скажем, стилем бороко. А есть красота легкомысленно-утонченного изящества и пугающе-расточительной декоративности характерная для стиля рококо. Есть красота романтической избранности, то есть красота искусственной приподнятости и преднамеренного рафинирования. И есть красота беспретенциозной простоты и неприязательности. Можно бесконечно перечислять стилевые нюансы красоты, ничем не нарушая при этом общего представления о ней. А меж тем, каждый стилевой оттенок может самым радикальным образом изменять результаты воздействия красоты на человека.

Кажется самоочевидным, что мера красоты не может быть постоянной и неизменной. И это зависит даже не от степени авторской гениальности и не от номинального содержания его произведений. Все определяется характером отношения разных людей к искусству. Ведь и в практике нашего бытия получается так,

что каждый человек относится к искусству по-своему. Каждый ищет в произведениях искусства только то, что хочет, а значит — что способен в них найти. Поэтому для одних искусство — это всего лишь источник эстетического наслаждения, для других, и того хуже, — лишь своеобразная забава или милая прихоть. Для третьих искусство является средством проникновения в духовный мир художника, автора любимых произведений, потому что в любом из них нетрудно проследить и мировидение, и миропонимание автора.

Но если попытаться понять объективную сущность искусства более углубленно, если попытаться определить эту сущность философски, то станет совершенно очевидным, что искусство в конечном итоге — это ничто иное, как выражение религиозной сущности человека.

32

Здесь дело совершенно не в этом, а в том, что подлинный художник творит отнюдь не для забавы и не для досужего развлечения праздной публики. Его творчество каждым произведением утверждает какую-то вполне конкретную идею, осознанную художником как общественную необходимость. Однако и такое утверждение было бы просто невысказано без внутренней веры художника в безусловную верность и объективную справедливость осознанной им идеи. Только такая вера и способна разбередить душу творческим зудом и тем самым предопределить начало процесса образного конструирования то ли сюжета будущего произведения, то ли гармонического строя музыкальной пьесы, то ли внешнего облика сооружаемого здания. А эта вера, вернее — способность такой веры и является религиозной сущностью человека, то есть — его вражденной способностью принимать некоторые реальности, не испытывая необходимости в экспериментальном подтверждении и истинности.

Здесь следует сделать очень важную оговорку: религиозность это не только вера в Господа, религиозностью человека является именно его способность принимать как истинное все то, что без каких-либо дополнительных доказательств не вызывает в его сознании никаких сомнений, что убеждает его само по себе. Поэтому религиозность может проявлять себя даже в атеизме, ибо экспериментально доказать отсутствия Господа во вселенной так же невозможно, как и доказать Его существование. И то, и другое требует бездоказательной веры.

Поэтому-то и должно быть понятно, что искусство, оперирующее образами еще несуществующих реальностей, образами только готовящимися к воплощению в материальные формы, без та-

кой веры было бы просто невысказано. Человеческая религиозность может быть реализована либо каким-то самоубеждением, либо каким-нибудь вероучением. И то, и другое оказывается для человека неиссякаемым источником его собственного миропонимания. Но если вероучение обеспечивает его сознание лишь определенными нравственными и эстетическими принципами, то искусство помогает выразить эти принципы образно. Отсюда и берут свое начало неограниченные возможности творческой фантазии.

Но как не велики эти возможности, художник в своем творчестве будет рассказывать только о том, во что сам безоговорочно верит. Поэтому вполне естественно, что для верующих в Бога зодчих древней Руси основным источником творческого вдохновения было их искреннее почитание мудрости Божьей, выраженной в Его заповедях, составляющих собою закон христианской морали.

33.

Дорогой мой человек, ты спрашиваешь, как следует принимать красоту? Подлинная красота действует мобилизующе, отвлекая от серой обыденности и уводя от всего второстепенного и неглавного в мир прекрасного. Она действует дисциплинирующе, приподымая человека над привычной суетою повседневности и подтягивая до необходимого предела весь внутренний строй его души. Наконец, она подчиняет человека сознанию высшей необходимости, конечный смысл которой может быть и не совсем понятен ему, но который внушает ему полнейшее доверие к себе.

Дисциплинарно-мобилизующая сила красоты как раз и является тем, что принято именовать совершенством художественной формы. В ней концентрируется вся способность художника чувственно воспринимать гармонию природных закономерностей и максимально приближаться к ней в своем творчестве. Ибо творческое воображение не повторяет все существующее в природе, а выбирает из него лишь самое необходимое для выражения своей собственной идеи, в незыблемую верность которой он уже уверовал.

Полагаю, что ты понял вывод, что красоту можно понимать только как воспринимаемую человеческим сознанием гармонию совершенных форм. Иными словами — красота — это результат восприятия объективной реальности сугубо индивидуальным и субъективным сознанием. Само собою разумеется, — объективная реальность независима от человеческого сознания. Но без восприятия и без основания ее гармонии понятие и ощущение красоты не возникает. Именно поэтому одно и то же художественное произведение у одних может вызывать бурю восторгов, а других оставлять безучастно-равнодушными.

Но если красота есть только результат восприятия объективной реальности, то значит ее естественным источником является не художественное произведение, а сама природа, украшающая человека. Роль искусства состоит лишь в его способности воспроизводить красоту художественными средствами. Следует подчеркнуть — воспроизводить, а не создавать!

Ошибочно полагать, что красота является конечной целью искусства. Нет! Она является только способом или средством выражения определенных идей. Красота для искусства может служить только художественной формой. Однако, форма, лишенная какого-то конкретного содержания, умертвляет искусство, делает его духовно бессмысленным. Форма только для того и необходима, чтобы выразить через нее конкретное содержание, то есть — какую-то идею, волнующую художника. Поэтому-то внешней красотой произведения подлинного искусства и могут угадываться самые разнообразные и даже парадоксально-трагические чувства, навеявшие художнику тот или иной художественный сюжет.

Однако, до конца идею художника понять невозможно, не узнав и не поняв содержания исторических событий, сопутствовавших его творчеству или же навеянных ему то настроение, которым он заражает и нас посредством своего творения. Потому-то пустое любование памятниками старины ничему не научит закостенелого невежду, ничем не обогатит его сознания и его безучастную душу, сколько бы он не любовался этими памятниками.

ЕПИСКОП ВАЛЕНТИН

Тираж 50 экз. Заказ 5133.
г. Владимир, типография им. 50-летия Октября.

